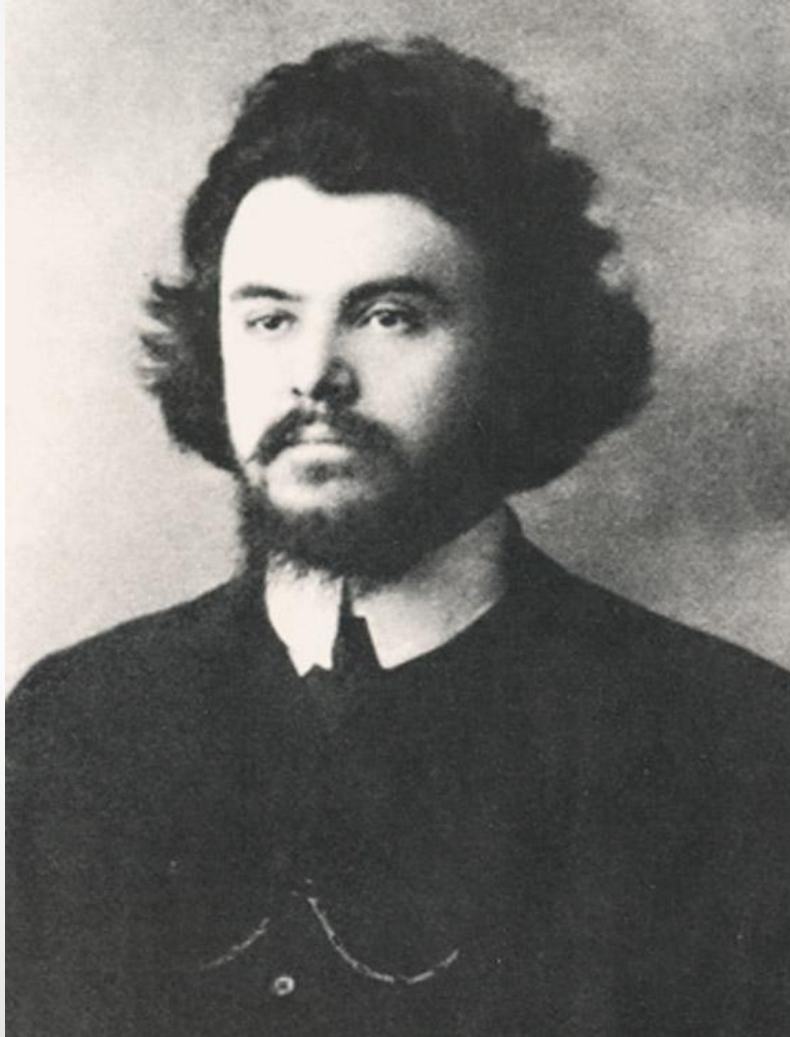

Николай Александрович Бердяев

Русский философ, религиозный мыслитель и публицист – родился 6 марта 1874 г. в Киеве.

Детство Н.А. Бердяева

Николай Бердяев родился в 1874 году в Киеве, на Печерске — в уютно прислоненной к Киево-Печерской Лавре и городской крепости части старого города, застроенной монастырями и военно-крепостными учреждениями.

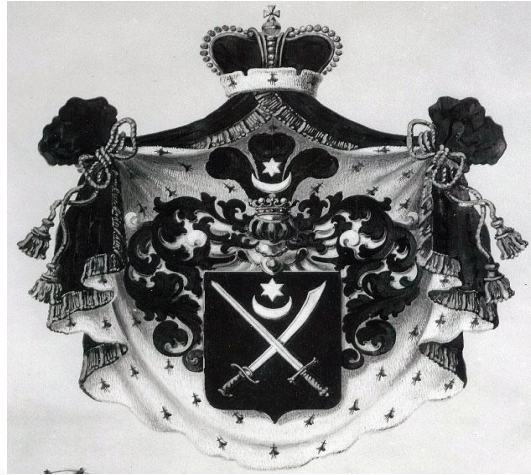

Имение графов Браницких в Белой церкви под Киевом. Здесь маленький Николай Бердяев ежегодно жил с матерью.

Семья

Николай Бердяев с мамой

Герб княжеского рода
Кудашевых

Н. А. Бердяев родился в дворянской семье. Его отец, офицер-кавалергард Александр Михайлович Бердяев, был киевским уездным предводителем дворянства, позже председателем правления Киевского земельного банка; мать, Алина Сергеевна, урождённая княжна Кудашева, по матери была француженкой. Его старший брат Сергей — поэт, публицист и издатель.

Образование

Киевский университет св. Владимира, где Николай Бердяев учился в 1894-1898 гг., сначала на естественном, затем на юридическом факультете.

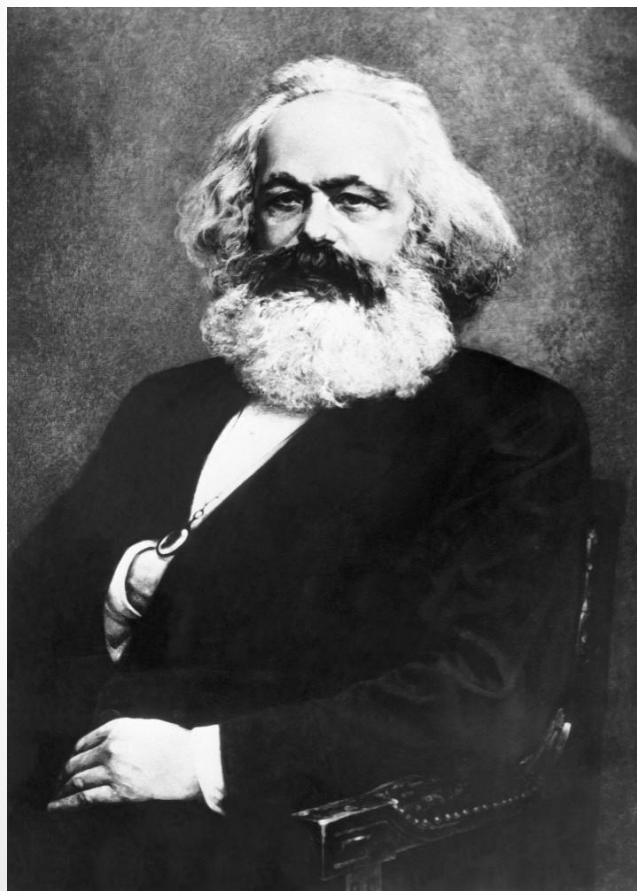

Бердяев воспитывался дома, затем в Киевском кадетском корпусе. В шестом классе оставил корпус и начал готовиться к экзаменам на аттестат зрелости для поступления в университет. «Тогда же у меня явилось желание сделаться профессором философии». Поступил на естественный факультет Киевского университета, через год на юридический. В 1897 г. за участие в студенческих беспорядках был арестован, отчислен из университета и сослан в Вологду. В 1899 г. в марксистском журнале «Neue Zeit» напечатана его первая статья «Ф. А. Ланге и критическая философия в их отношении к социализму».

Мемориальная доска Н.А. Бердяеву на здании Киевского университета им. Шевченко (открыта в апреле 2013 г.).
Скульптор – И. Гречаник

Общественная деятельность

От марксизма к идеализму

Интерес к морали, к этической проблематике, пробудившийся у Бердяева чрезвычайно рано, очень типичен для отечественной философии.

Этическим интересом отчасти можно объяснить и увлечение Николая марксизмом.

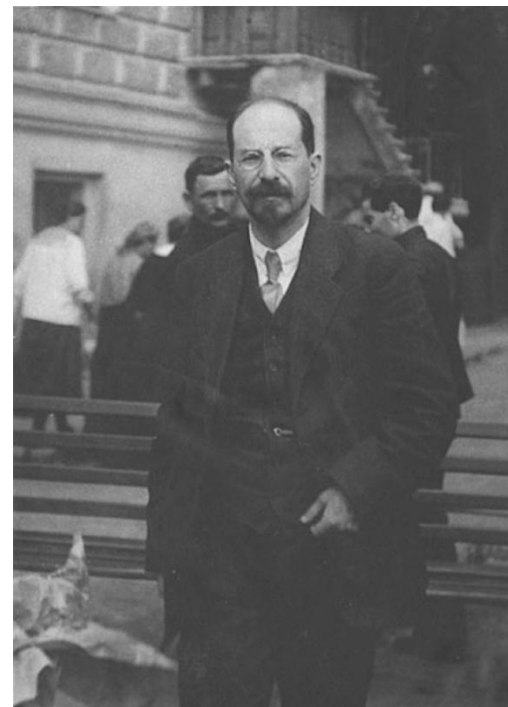
Обращению к марксизму способствовало не покидавшее Бердяева чувство, что мир и общество основаны на зле и несправедливости; для него было характерно страстное желание не только познать истину и смысл, но и изменить мир согласно истине и смыслу.

Члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Будущий первый нарком просвещения советской республики в то время учился в Киевской гимназии и уже имел довольно солидный революционный «стаж»: с 1892 года Луначарский состоял в нелегальной организации. К этому же периоду относились и другие марксистские знакомства Бердяева. Революционная романтика наполнила дни Николая смыслом и осязаемой целью.

Марксистское «крещение» произошло под влиянием Давида Логвинского, с которым Бердяев сблизился на первом курсе университета, еще занимаясь естественными науками. Логвинский входил в социал-демократический кружок, участвовал в работе нелегальной типографии. Именно благодаря Логвинскому Николай вошел в марксистский кружок. Там он познакомился, например, с Анатолием Луначарским.

Луначарский А.В.

Н. К. Михайловский

Сам Бердяев в своем формировании прошел через немецкую философию (прежде всего, через Канта), и ему гораздо ближе было философское обоснование марксизма (выросшего, как известно, из немецкой философской традиции), чем народничества, опиравшегося на позитивизм.

Впрочем, ортодоксальным марксистом Бердяев не был никогда. Он достаточно рано почувствовал, что и теоретический марксизм, и – тем более – революционная марксистская практика ограничивают свободу личности, стирают ее индивидуальность.

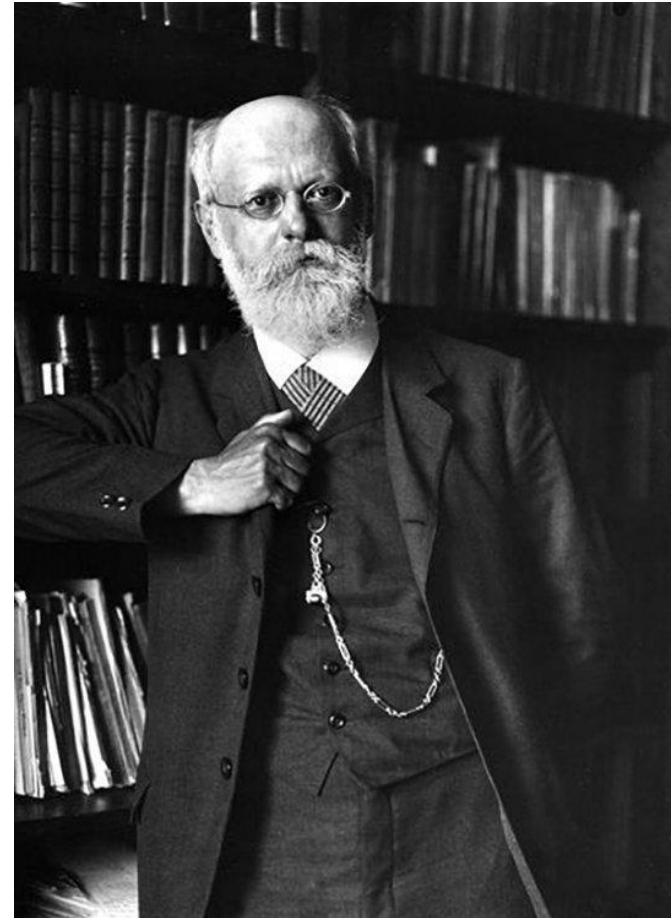
Не случайно Николай интересовался народничеством как некоторой революционной альтернативой марксизму, в частности, читал книги Н. Я. Михайловского, – но позиция Михайловского, привлекавшая Бердяева утверждением примата личности над обществом, тем не менее, казалось ему слабой в теоретическом, философском плане.

Иммануил Кант

Первая статья Н.А. Бердяева «А. Ф. Ланге и критическая философия в их отношении к социализму» появилась в 1899 году в немецком марксистском журнале «*Neue Zeit*» («Новое время»), причем после статьи возникла переписка с Карлом Каутским, заинтересовавшимся молодым автором. Марксизм соответствовал нравственным исканиям молодого Бердяева. «Хлеб для меня — материальный вопрос, хлеб для другого — духовный вопрос», — известный бердяевский афоризм хорошо объясняет его увлечение революционными идеями.

Карл Иоганн Каутский

Лукьяновская тюрьма

В 1897 году Бердяев был арестован на несколько дней как участник большой студенческой демонстрации.

Через год, в ночь на 12 марта 1898 года, – Николай арестован во второй раз за организацию беспорядков. В квартире Бердяевых произвели обыск, изъяли нелегальную литературу. В этот раз Бердяев провел месяц в Лукьяновской тюрьме, находившейся на окраине Киева.

М.И. Драгомиров

Разбирательство тянулось почти два года, – ведь арестовано по этому делу было около 150 человек! В Лукьяновскую тюрьму приехал сам киевский генерал-губернатор Михаил Иванович Драгомиров. Все это время Бердяев жил дома, но состоял под надзором полиции и по правилам не мог покидать Киев. Из университета его исключили. Университетское образование оборвалось навсегда.

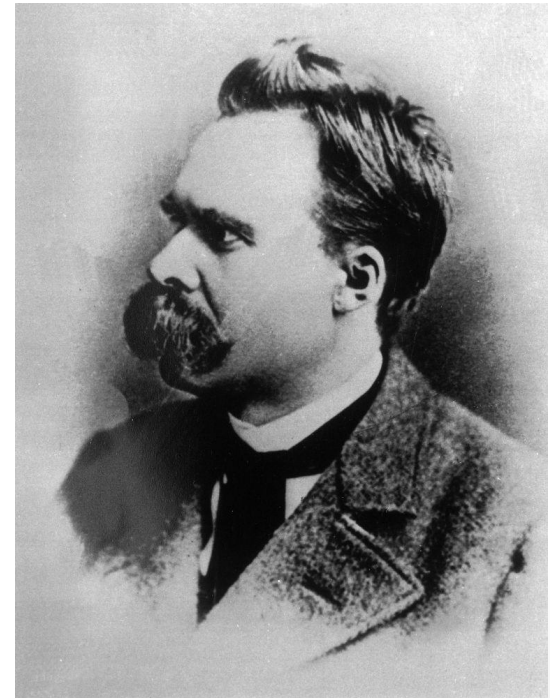
Л.И. Шестов

После выхода из тюрьмы Бердяев познакомился с замечательным религиозным философом, известным не только в России, но и в мире Львом Исааковичем Шестовым (Иегуда Лейб Шварцман) (1866-1938), который тоже был киевлянином.

Философская иррационалистическая позиция Шестова, уже опубликовавшего в то время работы о Шекспире, Ницше, Толстом, не имела ничего общего с марксистским радикализмом. Однако именно разговоры и споры с ним, а не с товарищами по подпольному кружку, называл Бердяев «поисками истины».

Бердяев зачитывался Ницше и Ибсенем, символистами и Достоевским. Особенно было велико воздействие Ницше. Увлечение творчеством этого философа стали широко известными, популярными и во всей Европе.

Бердяев читал Ницше и раньше, но под влиянием Шестова произошло своеобразное «переоткрытие» им немецкого мыслителя: Бердяев попросил своего знакомого (В. В. Водовозова) прислать ему из Берлина 8-томное собрание сочинений Ницше на немецком языке, которое он буквально проштудировал.

Ф. Ницше

Also sprach Zarathustra.

Ein Buch

für

Alle und Keinen.

von

Friedrich Nietzsche.

Chemnitz 1888.

Verlag von Ernst Schmeitzner.

Paris
W. Fischbacher
33 Rue de Seine.

St. Petersburg
H. Schmitzdorff
(C. Koeniger)
Kala, Hof-Buchhandlung
5 Newsky Prospekt.

Turin
(Florenz, Rom)
Hermann Loecherer
via di Po 19.

New-York
E. Steiger & Co.
25 Park Place.

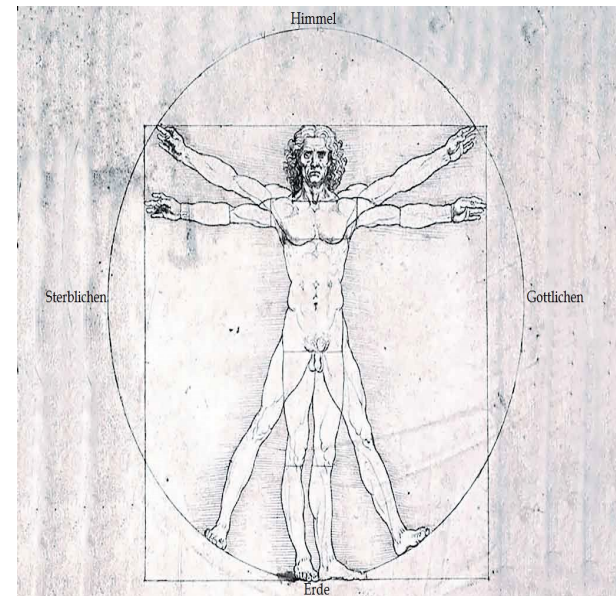
London
Williams & Norgate
16 Henrietta Street,
Covent Garden.

Ницше стал автором концепции *Übermensch* (сверхчеловека). В России, стране «больной совести», именно этот аспект творчества Ницше – связанный с учением о сверхчеловеке – стал наиболее обсуждаемым. Ницшевское понятие *Übermensch* вызвало целую полемику среди интеллектуалов.

Надо сказать, что восприятие этой части учения германского мыслителя в нашей стране обладало некоторой спецификой: сверхчеловек воспринимался, в основном, не как антропологический тип (*homo super-sapiens*) и не в культурно-историческом плане (как совершеннейший человек), а как идеал творческого духа, как мистическая индивидуальность, символизирующая собой жизненную и творческую мощь.

Бердяев, попавший под обаяние стиля и идей германского гения, сверхчеловека Ницше тоже воспринимал не столько как разрушителя культуры и веры, имморалиста, сколько как носителя индивидуалистических ценностей духа, духовного аристократа.

Бердяев расслышал трагическую ноту в построениях Ницше, почувствовал одиночество человеческой души в мире, где «Бог умер».

Изданіе О. Н. Поповой.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.

СУБЪЕКТИВИЗМЪ
и
ИНДИВИДУАЛИЗМЪ

ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФІИ.

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

О

Н. К. МИХАЙЛОВСКОМЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПЕТРА СТРУВЕ.

— 2 —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Электрическая типографія, Лиговская улица, д. № 57.

1901.

Позднее, уже в эмиграции, Бердяев пишет свою первую книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском».

Уже первая бердяевская книга содержала попытку осуществить своеобразный синтез марксистской философии (ее социальной критической части) и переработанной им немецкой классической философии (прежде всего, позиций Канта и Фихте), недаром его взгляды в данный период подчас называют «неокантианским марксизмом».

Бердяев критиковал субъективный метод Михайловского в социологии, считая, что он явно проигрывает в споре с марксистской картиной общества, но он критически оценил и многие положения марксизма – прежде всего, те, которые принижали значение личности в истории общества.

Вполне по-марксистски Бердяев признает в своей первой книге и наличие общественного прогресса в истории, направленного социального развития. В этом вопросе особенно ярко видно отличие взглядов молодого Бердяева от позиции зрелого мыслителя.

Принципиальные расхождения “Критического марксизма” Н.А. Бердяева с догматическим марксизмом

Проблема исторического прогресса

- В понимании классического учения марксистов прогресс - это когда настоящее всегда приносят в жертву будущему и история пишется с точки зрения превосходства последующего поколения над предшествующим. Когда все страдания, лишения, усилия прошлых поколений рассматриваются как удобрение, как средство для достижения в будущем совершенного идеального состояния человечества.
- Бердяев же считал, что будущее не должно пожирать настоящее и прошедшее, человек не может быть средством для своего потомка, нельзя соединить безграничный оптимизм в отношении будущего с бесконечным пессимизмом в отношении прошлого. Да и доказательств у теорий прогресса нет никаких, одни нерешенные вопросы. Значит, теория прогресса ложна и безнравственна.

“Этизация” марксизма

Бердяев показывал, что различие между худшим и лучшим, нравственным и безнравственным изначально, *a priori* дано человеческому сознанию, поэтому люди вносят в исторический процесс идею цели и оценивают историческое движение с этих позиций – как прогресс или регресс. Он доказывал, что, хотя социальный процесс закономерен и в этом смысле непреодолим, в саму эту закономерность входит активность человека, его волевые устремления. «Социальное развитие проникнуто принципом социально-психической, а не материально-механической причинности», – замечал Бердяев, и это уже звучало не совсем по-марксистски. Человек для него выступал самоцелью, он пытался сочетать социальные выводы с философским идеалистическим их обоснованием: «этический идеализм» сочетался с революционно-демократическими положениями.

**Основной вывод работы Н.А. Бердяева
«Субъективизм и индивидуализм в общественной
философии. Критический этюд о
Н. К. Михайловском».**

В данном произведении Бердяев предпринял попытку реформирования марксизма. С самого начала он чувствовал всю недостаточность материализма как философской системы, для него было очевидно теоретическое превосходство Канта и Гегеля над Фейербахом и Энгельсом и, начав с поисков для социального учения Маркса иной философской основы, он постепенно отошел от марксизма, хотя и сохранил сочувствие к марксистской социальной программе. Книга была своеобразной критикой марксизма в кантовском духе: добро, истина, красота не зависят ни от каких социальных условий, они априорны, не определяются практикой, а являются достоянием этического сознания. В то же время, Бердяев попытался обосновать идею исторического предназначения пролетариата и неизбежности социализма, опираясь именно на этические ценности. В этом смысле, данная работа Бердяева стала «памятником переходного периода». Правда, к моменту выхода книги в свет Бердяев уже начал догадываться о невозможности «исправления» марксизма, вылитого, как совершенно верно сказал Ленин, «из одного куска стали».

А.В. Луначарский

В ссылке Николай Александрович несколько раз выступал перед своими товарищами «с рефератами». При обсуждении «рефератов» Бердяева критиковали за отход от марксистских позиций. Особенно резко возражал Бердяеву А. В. Луначарский, продолжая те страстные споры, которые начались у него с Бердяевым еще в Киеве. «До моего приезда Николай Бердяев стал было занимать нечто вроде доминирующего положения, его рефераты пользовались большим успехом. Наша социал-демократическая публика поощряла меня выступить с рядом диспутов против Бердяева, противопоставляя его идеализму, в то время докатившемуся до признания не только христианства, но почти православия, марксистскую философию...»

Бердяев еще оставался близок к марксизму в социальных вопросах, но он был чрезвычайно далек от партийно-организационных забот социал-демократов. Его споры с Богдановым и Луначарским во время обсуждения «рефератов» были бурными и острыми. Обвинения в адрес Бердяева выдвигались, прежде всего, в отходе от материализма, переходе к идеализму. Но Николай Александрович и не отрицал этого, более того, он никогда не считал себя материалистом! Для ссыльных социал-демократов, воспринимавших марксизм целиком – во всех его ипостасях – попытка соединить социальные выводы марксизма с идеалистической философией казалась невозможным кощунством или... признаком болезни.

А.А. Богданов

С.Н. Булгаков

Чрезвычайно важная встреча – знакомство с Сергеем Николаевичем Булгаковым (1871-1944), близкие отношения с которым продлятся долгие годы. Булгаков принадлежал совсем к другому кругу, чем Бердяев. Сергей Николаевич учился сначала в Ливенском духовном училище, а в 1885-1888 годах – в Орловской духовной семинарии. Казалось, что будущий путь Булгакова предопределен. Но в семинарии юноша пережил религиозный кризис, закончившийся, по его словам, «утратой религиозной веры на долгие, долгие годы». Елецкая гимназия, юридический факультет Московского университета, изучение политэкономии, знакомство с марксистской литературой. Путь типичный и чем-то напоминающий бердяевский.

Беседы с Л. Н. Толстым, чтение книг Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева привели к тому, что он, как и Бердяев, перешел от марксизма к идеализму. В отличие от Бердяева, для Булгакова это был возврат к тому, что с детства составляло фундамент его жизни – к вере, у Бердяева же, не получившего такого воспитания в семье, путь к вере занял большее время. Во многом именно благодаря беседам и переписке с Сергеем Николаевичем Бердяев переходит не просто к идеализму, а к религиозному идеализму.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕАЛИЗМА

СБОРНИКЪ СТАТЕН:

С. Н. БУЛГАКОВА, КН. Е. Н. ТРУБЕЦКОГО, П. Г.
Н. А. БЕРДЯЕВА, С. Л. ФРАНКА, С. А. АСКОЛЬДОВА,
КН. С. Н. ТРУБЕЦКОГО, П. И. НОВГОРОДЦЕВА,
Б. А. КРИТЯКОВСКАГО, А. С. ЛАПШО-ДАНИЛЕВСКАГО,
С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА, Д. Е. ЖУКОВСКАГО,

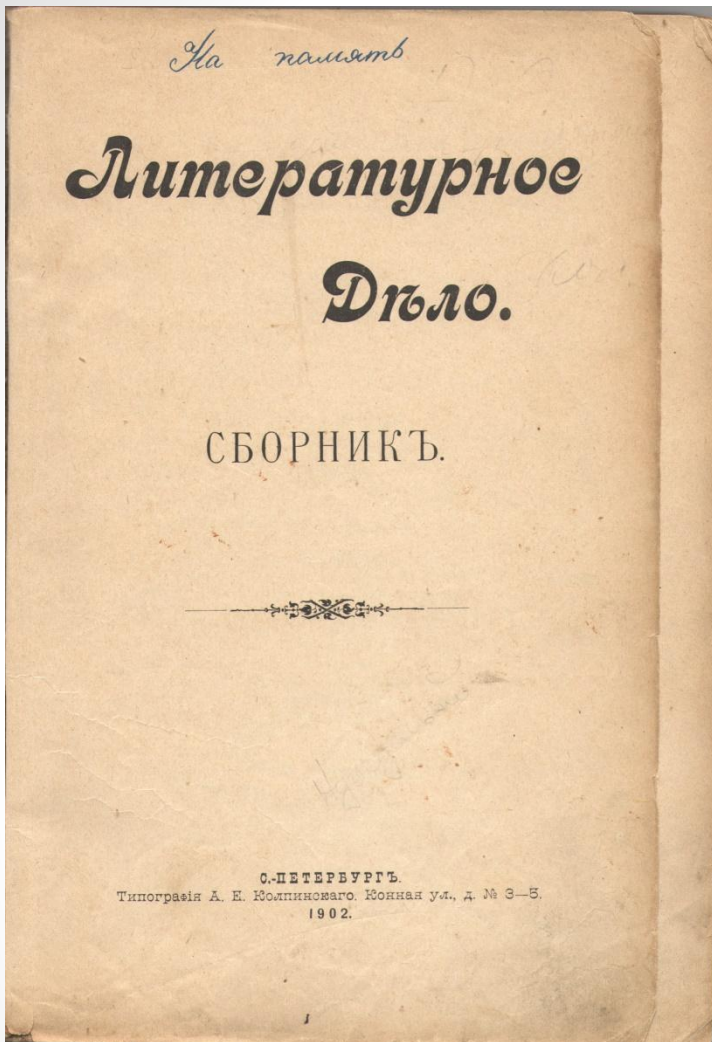
ПОДЪ РЕДАКШЕЙ П. И. НОВГОРОДЦЕВА.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

В вологодской ссылке Бердяев написал статью «Этическая проблема в свете философского идеализма» для сборника «Проблемы идеализма».

В статье заметно дальнейшее изменение его взглядов. В ней можно найти отголоски разговоров и переписки Бердяева с Булгаковым, со Струве. Статья Бердяева для «Проблем идеализма» очень способствовала его дурной репутации у марксистов. В этой работе он показывал, что этика не может быть сведена к исследованию условий, имеющих нормы, тенденций, практической морали (то есть реально существующего – «сущего»), она всегда имеет дело с идеалом, с представлениями о добре и зле, не укорененными в действительности (то есть – с «должным»). Он рассматривал вечную философскую проблему должного и сущего с разных сторон, показывая, что этика возможна только при обращении к идеальному, должному, а сама категория должного автономна, независима от реальности. Поэтому этика не может быть позитивистски объяснена и проинтерпретирована: ведь идеал не присутствует в опыте, не может быть познан эмпирически, он – должное, он не существует реально.

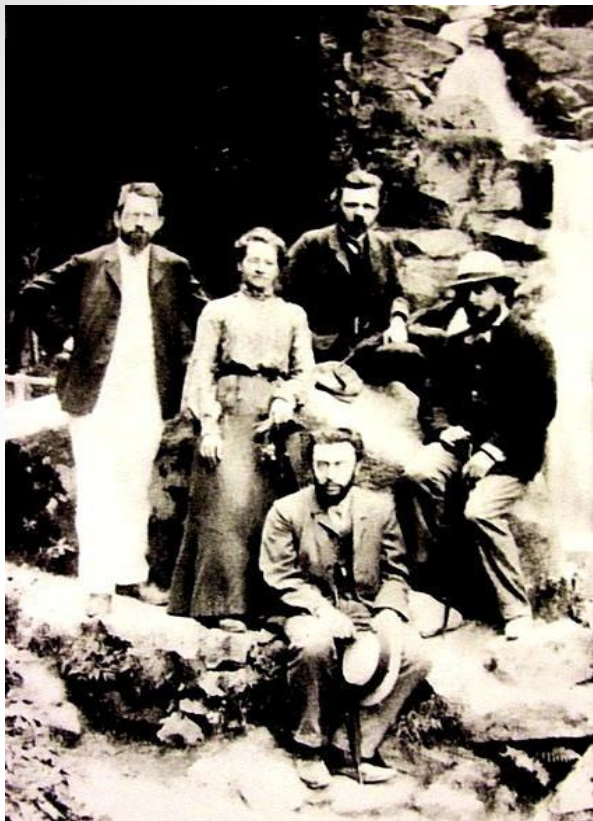
В статье Бердяев изложил и свое представление об этической позиции Ницше: он показывал, что «иммориализм» Ницше не является таковым, так как отвергает не должное, а сущее, – Ницше спорит с существующими нормами, с существующей моралью, отвергает эту несимпатичную ему этическую реальность, протестует против нее во имя идеала. Поэтому этика Ницше действительно находится «по ту сторону добра и зла» (по выражению самого Ницше), но по ту сторону *исторического* добра и зла, а не добра и зла *вообще*; тем самым вполне укладывается в классическую этическую схему противопоставления должного и сущего. Таким образом, Бердяев противоречил марксизму, рассматривавшему мораль (как и всю общественную надстройку) в зависимости от экономического развития общества (его базиса).

Луначарский сделал предметом своей критики сразу несколько статей Бердяева, – не только «Этическую проблему в свете философского идеализма», но и статью «К философии трагедии. Морис Метерлинк», опубликованную Николаем Александровичем в 1902 году в сборнике «Литературное дело».

В этой работе Бердяев проиллюстрировал свое понимание трагизма жизни, вечного разрыва должного и сущего примерами из пьес Метерлинка: в них идеальная любовь разрушалась от соприкосновения с грубой действительностью.

Луначарский назвал попытку Бердяева «обвенчать» марксизм и идеализм «белой магией», его статья так и называлась – «Трагизм жизни и белая магия». Он рассуждал так: если признавать бесконечность поступательного развития, то надо признать, что «трагизм жизни» не вечен, – когда-нибудь царство свободы будет достигнуто. Бердяев же показывал *принципиальную* недостижимость идеала в истории, вечный разрыв между должным и сущим.

Группа основателей «Союза освобождения» в 1902 г. в Германии (слева направо): Пётр Струве, Нина Струве, Василий Богучарский, Николай Бердяев и Семён Франк (внизу).

В 1903 году Бердяев примкнул к Союзу Освобождения, – тайной политической организации, которая выдвигала требования введения всеобщего избирательного права и проведения демократической аграрной реформы (вплоть до принудительного отчуждения помещичьих земель). Организация создавалась вокруг издававшегося за границей журнала «Освобождение», активную роль в котором играл другой близкий знакомый Бердяева – Пётр Струве.

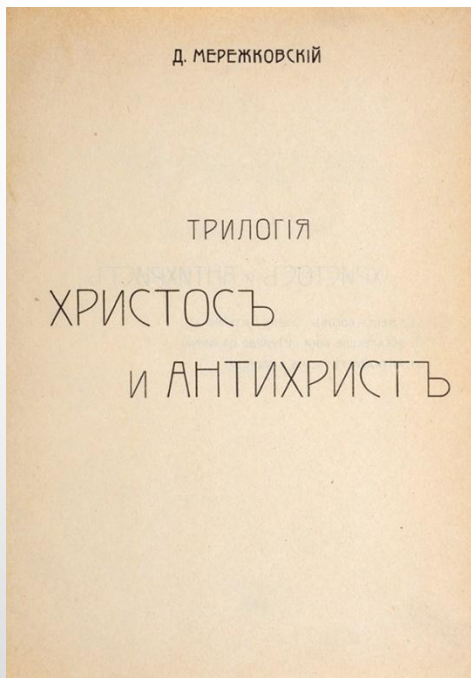
Первый лист «Освобождения» от 25 января 1905 года, сообщавшего о начале русской революции

Мыслители «нового религиозного сознания»

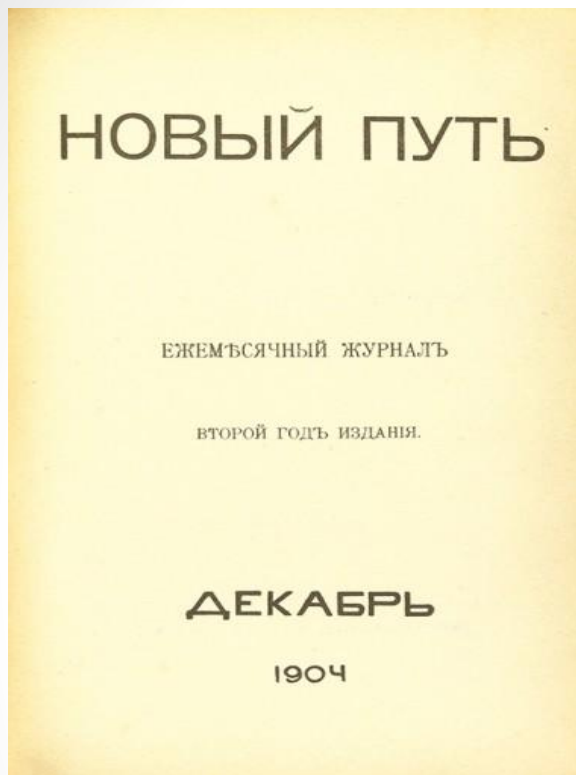
Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский

Мысль о необходимости «обновления» христианства обрела многих сторонников среди светской интеллигенции. Самыми последовательными «неохристианами» были, наверное, Мережковские: они не раз писали о грядущей религии «Третьего Завета». Если Ветхий Завет был религией Отца, Новый Завет – религией Сына, то Третий Завет должен был стать, по их мнению, религией Святого духа, своеобразным синтезом «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства).

В своей знаменитой исторической трилогии «Христос и Антихрист» Мережковский пытался обосновать именно эту идею, показывая, что в истории человеческой культуры уже предпринимались попытки синтеза «земной» и «небесной» правд, но они не были удачными в силу незрелости человеческого общества.

Мыслители «нового религиозного сознания»

Круг людей «нового религиозного сознания» заметил и ранние работы Бердяева, особенно его статью в «Проблемах идеализма». Молодым киевским автором заинтересовались в «Новом пути». «Толстый» ежемесячный журнал, возникший как продолжение Религиозно-философских собраний, был детищем Мережковских. В поэтическом разделе они часто печатали свои стихотворения (и работы других символистов – К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, Ф. Сологуба), в прозаическом были опубликованы рассказы Зинаиды Гиппиус и выдержки из романа «Петр и Алексей» Мережковского (но и сочинения Ремизова, Б. Зайцева, С. Сергеева-Ценского), в философском – доклады Мережковского на Религиозно-философских собраниях (но и работы Вяч. Иванова, П. Флоренского).

Журнал стал испытывать трудности в финансировании. Произошло это во многом из-за запрета Победоносцева публиковать протоколы религиозно-философских собраний, – после прекращения публикаций интерес к журналу резко упал. Необходима была новая концепция журнала. Тогда у Мережковских возникла идея привлечения к сотрудничеству в «Новом пути» «идеалистов» – Булгакова, Бердяева, Новгородцева, Франка.

Мыслители «нового религиозного сознания»

В результате жизнь Бердяева резко поменялась: 30 сентября 1904 года он просит власти разрешить ему переезд в Петербург, обосновывая это приглашением работать в журнале. Такое разрешение он получает. Заканчивается первый, «киевский» период его жизни и творчества. Марксизм остается позади, новыми идейными «союзниками» становятся представители «нового религиозного сознания». В «Самопознании» Николай Александрович так писал об этом: «Произошла встреча «идеалистов», пришедших из марксизма, с представителями «нового религиозного сознания», издававшими «Новый путь», то есть, прежде всего, с Мережковскими.

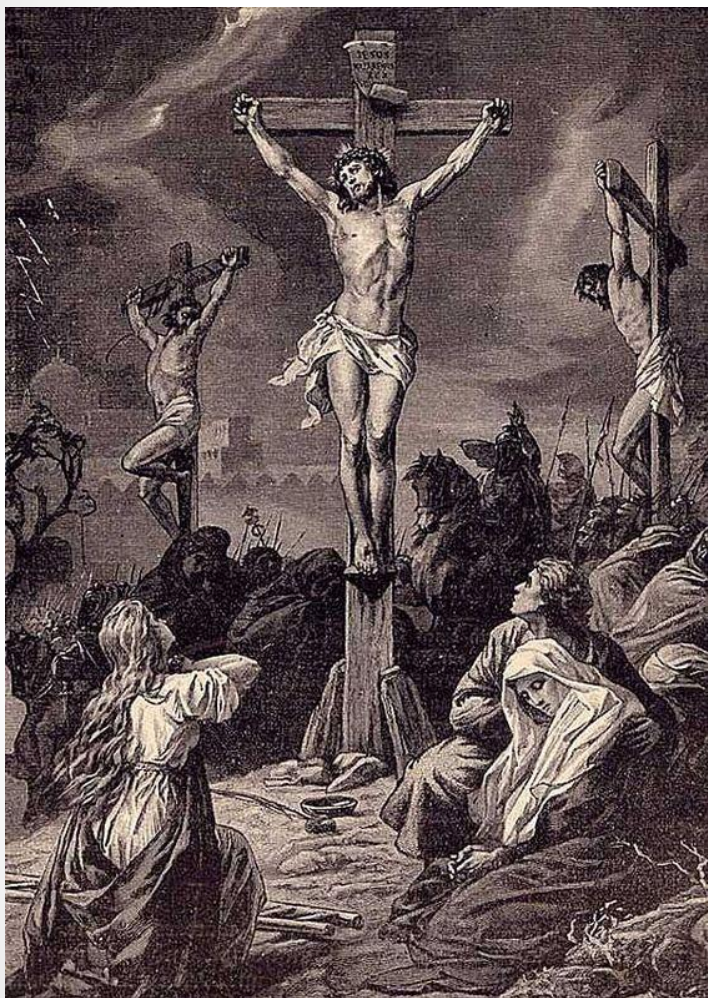
Бердяев, пройдя через увлечение марксизмом, постепенно двигался в сторону православия, Церкви.

Работа Н. А. Бердяева «О достоинстве христианства и недостойнстве христиан»

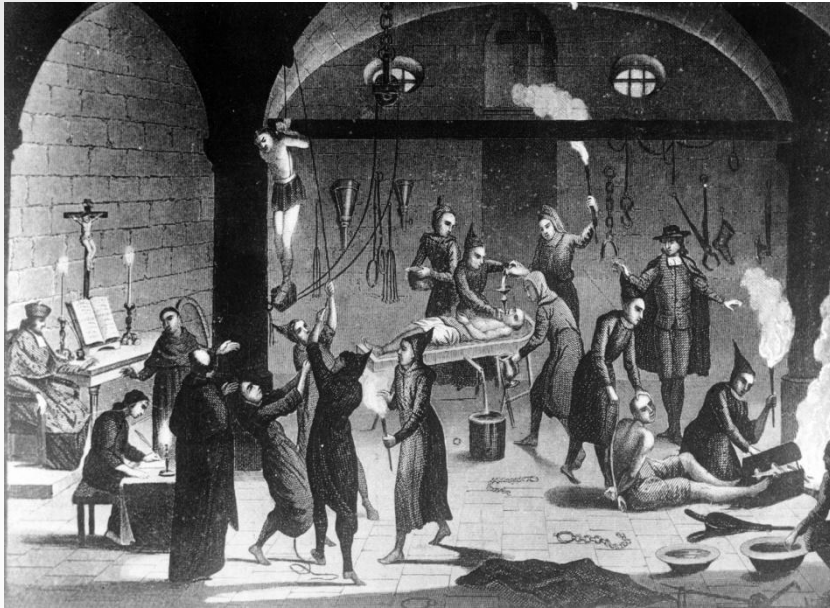
Статья состоит из семи небольших глав, адресованных тем, кто соблазняется исторической «неудачей христианства». Соглашаясь, что в истории «христианство не удалось», Н. А. Бердяев находит в этом, отправном для своего читателя, суждении свидетельство о предельности, неотмирности христианства, настаивая на его принципиальном отличии от религий закона, более успешных в истории, более приспособленных к условиям падшего мира. Истинность христианского откровения Н. А. Бердяев не аргументирует — он обращается не к логике, а к глубинной интуиции человека, представляя религию Креста и религию закона на суд его свободы и совести.

Христианство — религия Креста.

Представители других религий (буддисты, мусульмане, евреи) нередко замечают, что их учения имеют ряд преимуществ над христианством, поскольку более приспособлены к человеческой природе, более осуществимы, более соответствуют целям земной жизни и требуют меньших жертв. В свою очередь, христианская религия — самая трудная, самая неосуществимая, наиболее противодействующая человеческой природе и требующая непосильных жертв. Но в этом и видится большое преимущество — христианская религия гораздо более духовно наполнена. Это дает человеку, исповедующему христианство, более возвышенный нравственный идеал, чем у других религий

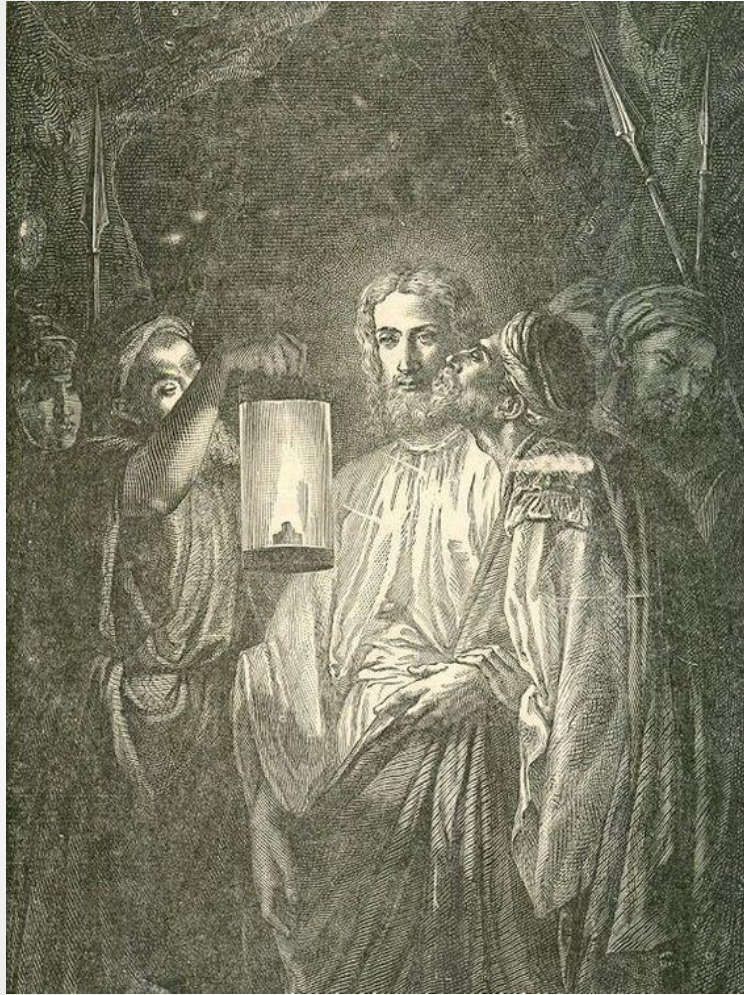
В центре истории и Церкви — человек.

Именно Христова правда не может быть насильственно осуществлена. Коммунизм хочет осуществить свою правду путем насилия, отрицает свободу духа, потому что отрицает дух, и потому ему легче осуществить эту правду. К Царству Божьему нельзя принудить, нельзя осуществить его без духовного перерождения, которое всегда предполагает свободу духа. Христианство есть религия Креста, оно признаёт смысл страдания. Христос призывает нас взять свой крест и нести его, нести тяготу и бремя грешного мира.

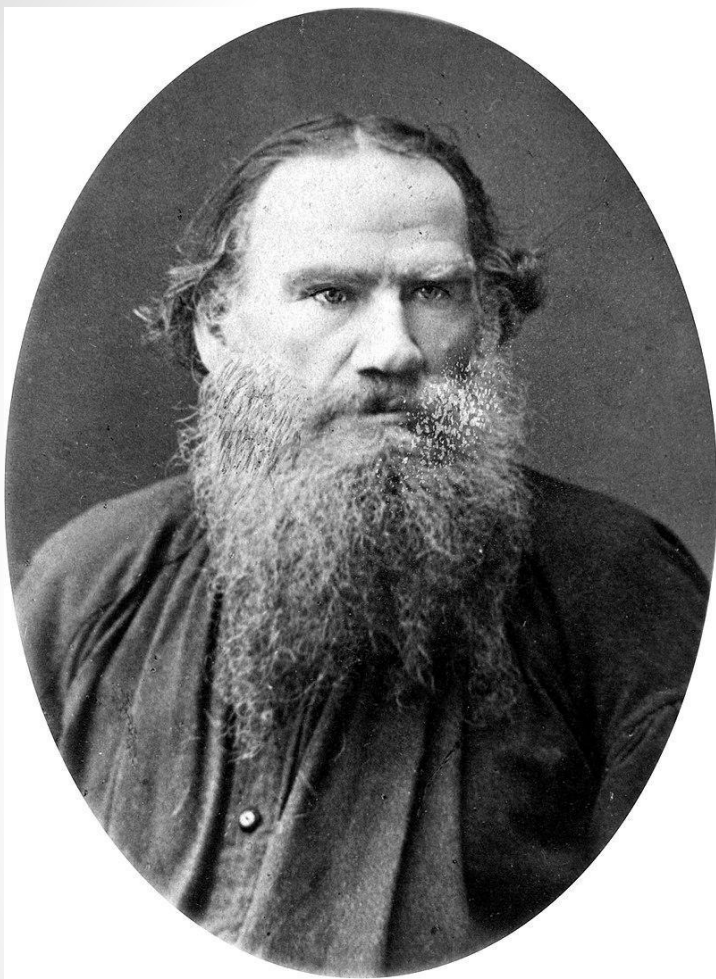
Часто говорят, что христианство не удалось, не осуществилось в исторической жизни. Не только христиане компрометируют христианство, его компрометирует история христианства, история Церкви. Социалисты-материалисты особенно любят говорить о том, что христианство не удалось, не осуществило Царства Божьего на земле. Так называемая «неудача христианства в истории» есть неудача, связанная с человеческой свободой, с сопротивлением человеческой свободы Христовой правде, сопротивлением злой воле, которую внешне обуздать и принудить к добру христианская религия не считает возможным, не хочет в силу того, что сама христианская правда предполагает свободу и ждет внутренней, духовной победы над злом.

Говоря об исторических грехах католической и православной церквей, об искажениях константиновской эпохи («соблазн царством мира»), которые он видит куда зорче своих оппонентов, Н. А. Бердяев показывает, что эти грехи были следствием «сопротивления» падшей человеческой природы, с которым Церковь сталкивается в своей внутренней жизни. Вместе с тем, признание грехов христианского человечества не умаляет исторических достижений человеческого духа: христианство породило великие явления культуры, смягчило и облагородило нравы, выработало духовный «тип рыцаря», приблизило эру великих научных открытий.

Христианство указывает человеку высшую цель жизни, говорит о высшем происхождении человека и высшем его назначении. Но христианство, в отличие от многих других учений, не льстит человеческой природе в ее греховном, падшем состоянии, оно требует от человека героического самопреодоления.

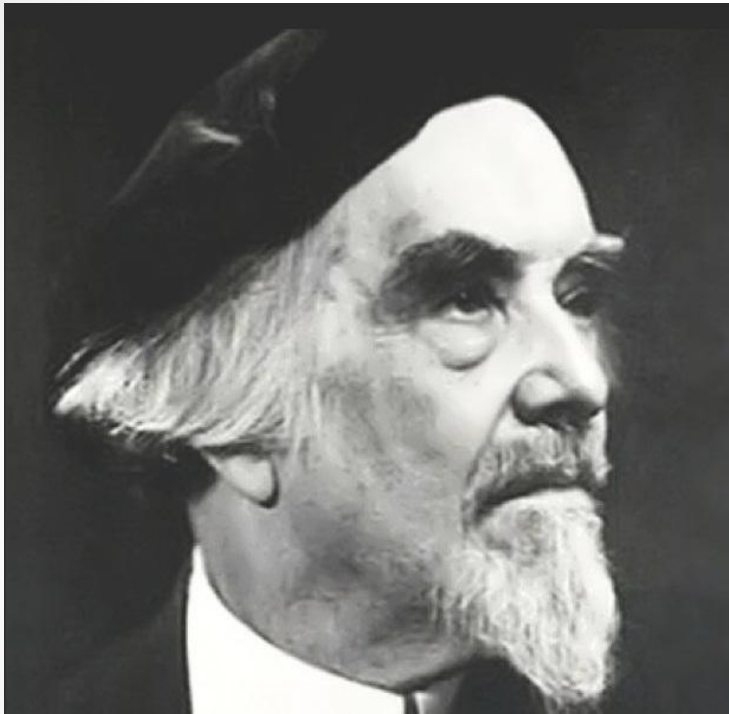

Л. Н. Толстой в 1880-х годах

Отличие религии Креста от религии закона Н. А. Бердяев поясняет и на примере толстовства. Признавая у Л. Н. Толстого «большую критическую правду», он замечает, что «самого христианства он не увидел... проглядел его из-за грехов, извращений и несовершенств христиан». В «зеркале» толстовства он развенчивает одно из самых распространенных заблуждений о христианстве, сводящее его к «нравственному учению Христа, заповедям Христа». Тем самым он готовит читателя к трудному — принципиальному на оглашении — откровению о падшести человека и мира, о проблематичности добра и закона, которое в данном случае должно быть выражено не на языке догматики, но к которому возможно апеллировать как к факту человеческой совести, его внутреннего опыта.

Л. Н. Толстой «думал, что всё зависит от истинного сознания и что легко осуществить то, что сознано», что «жить по закону любви... просто, выгодно и умно», пишет Н. А. Бердяев. Но «христианство возвещает истину о том, что мир во зле лежит и человек греховен», «требует... духовного перерождения». Обозначая иррациональную связь свободы и зла, Н. А. Бердяев обнаруживает в христианстве и намного более радикальное, чем у Л.Н. Толстого, требование и «реальной духовной победы над злом».

Заключение

Н.А. Бердяев

Апологетика Церкви в статье Н. А. Бердяева оказывается апологетикой духовного начала в человеке, практической антроподицеей. В своем слове он «предъявляет» Церковь, которая не «над» человеком, а за него, обращена к его глубине и хочет освободить его от мучающих его духов лицемерия и неверия, которая готова принять на себя сопротивление его падшей природы, которая рыцарски несет на себе клевету, возведенную на Бога и на человека в истории. Он показывает Церковь как источник вдохновения и силы, как творческую задачу для ищущего человека, требующую его личного участия. Завершая статью, Н. А. Бердяев пишет, что мы вступили в новую эпоху: «Наступают времена, когда христиане перестанут быть соблазном на пути к христианству», — тем самым приглашая своих читателей стать участниками богочеловеческой истории Церкви на этом решающем ее этапе.